

Три первых буржуазных классификатора и интерпретатора анархизма

Было бы неверным утверждать, что исследователи XIX века ставили перед собой цель создать стереотип анархиста-бомбометателя, хотя из истории Майкла Шаака, описывающей период после Хеймаркетской бойни, следует именно это. И все же подтекст иррациональности и фанатизма в значительной степени определил ранние оценки анархизма; попытки объяснить деструктивность доктрины почти неизбежно вели к усилению негативного отношения и недостаточному ее пониманию. Независимо от того, сосредоточивались исследователи на действиях, идеях и характерах отдельных анархистов или же на совокупности идей, анархизм толковался как девиантная идеология. Рассматривая анархизм в контексте постреволюционных идей, его иногда представляли как часть более длительной истории утопизма и миллениаризма. Такое толкование позволяло объяснить тенденцию анархизма к физическому насилию, а также поставить на нем клеймо сугубо европейского феномена.

Отвечая на вопрос, кого следует однозначно отнести к анархистам, трое ранних исследователей — Поль Эльцбахер, Майкл Шаак и Эрнст Ценкер — уверенно называли Прудона, Бакунина и Кропоткина. Однако этот небольшой список не был исчерпывающим. Эльцбахер, профессор права и впоследствии сторонник большевизма, чья активная деятельность пришлась на начало XX века, проанализировал анархизм на примере семи «особо выдающихся» мыслителей. В дополнение к Прудону, Бакунину и Кропоткину он выбрал Уильяма Годвина, философа XVIII века, Макса Штирнера, сторонника эгоистической идеи середины XIX века, Бенджамина Такера, последователя Прудона и Штирнера, и писателя Льва Толстого. Шаак, возглавлявший следствие по Хеймаркетскому делу, называл Прудона «отцом французской анархии», но, стремясь привлечь внимание своих читателей на революционеров, ответственных за распространение «анархистской заразы», он дополнительно включил в свой список Луизу Мишель. У Эрнста Ценкера, еще одного выпускника юридического факультета и журналиста, наиболее активно проявившегося в 1890-е годы, список оказался длиннее. В него вошли Прудон, Штирнер, Бакунин, Кропоткин и Мишель, бывшие коммунары Элизе Реклю и Жан Грав, а также Шарль Малато, сын участника Парижской коммуны. К ним он добавил Карло Кафьеро и Эррико Малатесту, вставших на сторону Бакунина против Маркса в МТР, и Франческо Саверио Мерлино, присоединившегося к анархистскому движению вскоре после краха Первого интернационала. Он также выделил Такера и Джона Генри Маккея, писателя и поэта. Как мы увидим далее, во внешних слоях констелляции, созданной Эльцбахером, Шааком и

Ценкером, наблюдались некоторые расхождения, однако ее ядро оставалось неизменным в течение долгого времени.

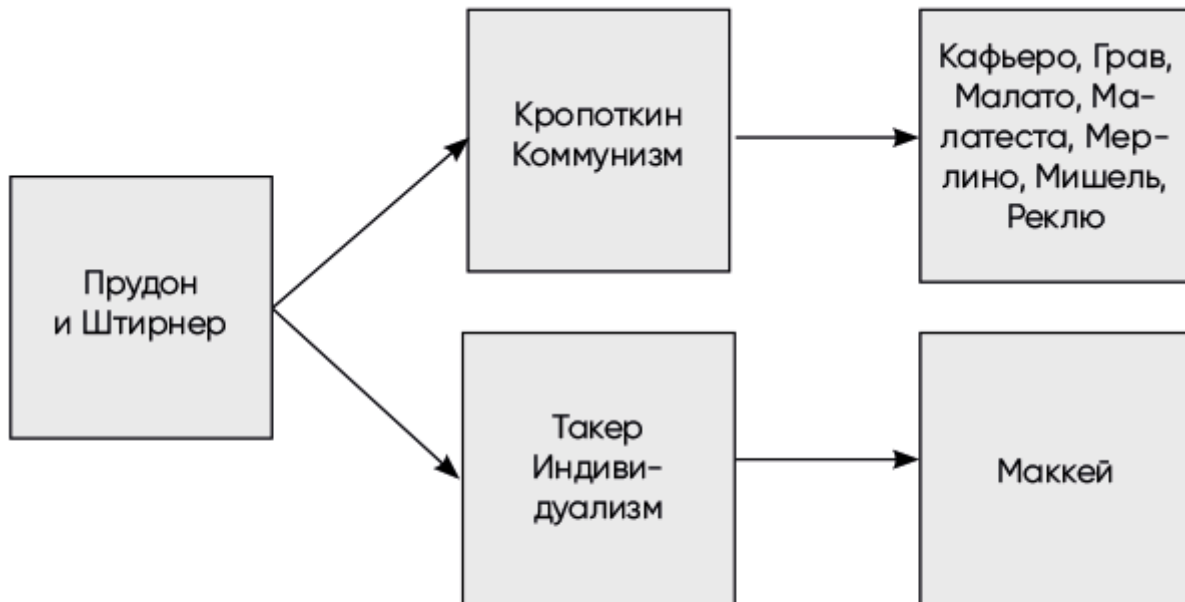
Ценкер сопоставил приведенные имена с идейными направлениями, прежде всего проводя различие между анархо-коммунистами и индивидуалистами. С этой точки зрения Прудон был предвестником анархизма. Штирнер, которого Ценкер назвал немецким последователем Прудона, был еще одним значимым предтечей движения. Кропоткину была определена роль ведущего голоса коммунистической школы, а Такеру — наиболее значимого представителя анархо-индивидуализма. Коммунистическое крыло оказалось заметно шире. В него вошли Мишель, Реклю, Грав, Малато, Кафьеро, Малатеста и Мерлино. Маккея он поместил рядом с Такером, но отметил, что школа по большей части американская. Ценкер считал, что независимая анархистская школа Такера возвращена интеллектуалами и аболиционистами, в частности Стивеном Перлом Эндрюсом и Джосайей Уорреном.

Ценкер утверждал, что расхождения во взглядах между Кропоткиным и Такером довольно велики, однако пришел к выводу, что либертарный импульс, который он прослеживал до Прудона и Штирнера, отличал анархизм и от того, что он назвал «социалистическим и религиозным мировоззрением», и от «религии самовластного, непогрешимого, всемогущего и вездесущего государства». Приводя расколовшие МТР аргументы в защиту анархизма, Ценкер сделал вывод, что «тенденция к централизации и насильственный характер системы принудительного коллективизма, без которой социализм лишен шансов на успех, будут естественным и неизбежным образом заменены федерализмом и свободным объединением»[48].

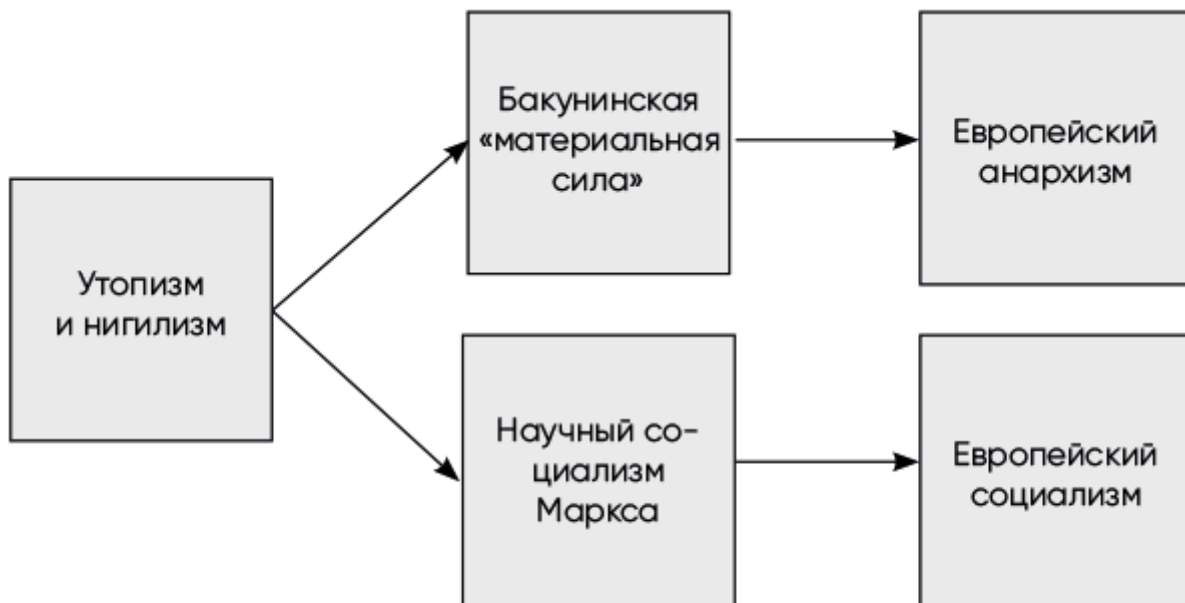
Рис. 1.1. Ранние оценки ведущих деятелей анархизма, внесших вклад в создание анархического канона

Хотя проведенный Ценкером анализ анархо-индивидуализма и анархо-коммунизма подчеркивает культурный и политический плюрализм движения, история развития социалистической мысли, представленная им и Шааком, оказалась довольно упрощенной. Шаак в значительной степени опирался на работы нью-йоркского профессора Ричарда Эли, но при этом не проявил присущей последнему беспристрастности. Эли наблюдал за распадом Первого интернационала и был знатоком европейского социализма. В своих наблюдениях он сформулировал ощущаемое многими противоречие между перспективой прогрессивных изменений и разрушительной силой движений, полных решимости их реализовать. Относясь к анархизму без предубеждений, Эли определил его как потенциально цивилизующую силу, способную разрушить «старые, отжившие институты» и «породить новую цивилизацию»[49]. Шаак же, напротив, анализируя развитие социализма в Западной Европе и его связь с анархизмом, разграничил этическую составляющую и фактические действия, как это стало принято после Французской революции.

Рис. 1.2. Анализ анархистских школ, их вдохновителей и ведущих пропагандистов (по Эрнсту Ценкеру)

В целом Шаак рассматривал социализм как продукт утопизма Этьена Кабе, Шарля Фурье и Сен-Симона, творивших в начале XIX века. Такой подход был широко известен. Маркс и Энгельс в «Манифесте коммунистической партии» (1848) использовали его вариацию, чтобы подчеркнуть оригинальность собственного вклада. Но если Маркс и Энгельс отвели ведущую роль в развитии социализма науке, то Шаак полагал, что современный ему социализм созрел под влиянием русского нигилизма — антицарской «динамитной» доктрины. Шаак считал мозговым центром учения Маркса и Энгельса и признавал, что социализм имеет философское происхождение, однако он отрицал, что это утверждение распространяется и на анархизм. Действительно, анархизм не породил «первоклассных» мыслителей такого же калибра. Он уходил корнями в однотипный догматизм утопистов и обычно воспринимался скорее как нигилистическая реакция, нежели как философия. Получив широкое распространение в Германии, он был экспортирован в Чикаго. Смысл этого утверждения Шаака заключался в том, что европейский анархизм одержал верх над американскими индивидуалистическими традициями.

Рис. 1.3. Как истории Майкла Шаака и Эрнста Ценкера моделируют расхождения анархизма и марксизма

Аналогичным образом обрисовал наивный утопизм, терроризм и милленаризм анархистских доктрин и Ценкер, наметив также исторический путь анархизма в Европе. Описанная им предыстория берет свое начало в ереси времен Реформации и продолжается вплоть до Французской революции, включая якобинского коммуниста и величайшего заговорщика Гракха Бабёфа, а также Годвина и социалистов-утопистов Фурье и Сен-Симона. Такая интерпретация придавала анархизму налет наивного катастрофизма и намекала на склонность к интригам и секретности. Как и Шаак, Ценкер связывал эти аспекты анархизма с Бакуниным, который «менее других анархистов заслуживал доверия» и был одержим «бредовыми идеями». «Бакунин пытался обмануть самого себя, пытаясь поверить в то, что осуждает насилие, порою так необходимое, и закутаться в защитный плащ сторонника эволюции». Он «категорически исключил тайные общества и заговоры из списка революционных средств. Но это не помешало ему самому... возглавить тайное общество, организованное по всем правилам конспирации»[50]. Даже если Ценкер не считал Бакунина типичным представителем всего анархизма, то, по крайней мере, он признавал, что тот символизирует ярко выраженную анархическую тенденцию.